

Неприступная для альфы

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Таня
Кель

Мэри
Скарр

Таня Кель

Неприступная для альфы

«Автор»

«Автор»

2026

Кель Т.

Неприступная для альфы / Т. Кель — «Автор», «Автор», 2026

Один долг. Одна сделка в тёмной кладовой, и мой клан получит отсрочку, а я откуплюсь. Раз и навсегда. Так я думала. Наследник Йорда не берёт плату деньгами. Он берёт её мной. Я — глава павшего клана. Аристократка, у которой не осталось ничего, кроме имени и гордости. Он — альфа академии, привыкший, что ему принадлежит всё, на что он положил глаз. Этой ночью он положил глаз на меня. Отец проиграл моё будущее. Кредитор режет мой род по кускам. Война с драконами забирает последних, кого я люблю. А наследник Йорда смотрит так, будто уже поставил на мне свою печать. — Продаёшься за отсрочку. Совсем как твой отец. — А ты покупаешь. Кто из нас хуже, Йорд? Я должна его ненавидеть, обыграть и сбежать. Вместо этого — горю, огрызаюсь и возвращаюсь.

© Кель Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Таня Кель, Мора Скарр

Неприступная для альфы

Глава 1

Кай

— Прошу прощения, что прерываю. Прежде чем клан Йорд объявит помолвку окончательно, есть обстоятельства, о которых стоит знать всем, — раздался противный голос, и все обернулись на полноватого мужчину, стоящего в дверях.

Это Виль Хек. Достаточно мутный тип. Хитрый лис.

Оркестр запнулся на середине такта. Освальд Скалле, стоящий у стола с шампанским, замер с открытым ртом.

Ирэль сжала челюсть. Она находилась рядом, почти вплотную ко мне. И когда у неё сбилось дыхание, я это почувствовал.

А ещё у девушки были дорогие духи с холодным ароматом. Но сквозь них пробился иной запах. Я ощущал, как у неё скакнул пульс и на коже проступили капельки. Они пахли чем-то острым. Аристократка Скалле всё поняла с первых слов Хека. Раньше, чем все остальные.

Помолвки этой я не хотел. Отец решил, и поэтому я пришёл, молча принимая его волю. Больше от меня ничего не требовалось. Но она пахла хорошо, и это раздражало.

— Клан Хек имеет на руках долговые расписки главы клана Скалле, — продолжал лис, глядя всё так же в сторону отца. — За последние три года. Согласно договору, обеспечением по всем распискам выступает приданое единственной наследницы клана — госпожи Ирэль.

Он произнёс её имя, и я тут же подумал, что сейчас он будет его пачкать.

— К моему сожалению, приданого, о котором идёт речь, физически не существует. Клан Скалле три года как несостоятелен, обеспечение фиктивно.

Мой отец у камина не пошевелился. Зато Освальд качнул фужер, отчего шампанское плеснуло на манжету. А после он захотел поставить бокал на стол и промахнулся. Стекло звякнуло об пол. Кто-то ахнул у камина.

Ирэль не двинулась.

Скосив взгляд, я увидел её сжатый до побелевших костяшек кулак.

Отец её только что при всех положил девушку под нож. Полгода назад Освальд выторговал у моего отца эту помолвку, зная, что за душой у него ноль. Возможно, он предполагал, что всё вскроется, но явно не думал, что это произойдёт публично.

А она всё так же смотрела со спокойствием, не показывая паники.

Мой взгляд задержался на её кулаке.

Отец наконец выдал:

— Приложите документы. Мой поверенный свяжется с вами завтра. Оставьте нас.

Виль Хек поклонился, мазнул взглядом по Ирэль. Словно проверял товар, за который уже уплачено. И вышел. Секунды три в зале держалась тишина, потом кто-то у камина выдохнул, зашуршали платья и пошёл гул.

— Клан Йорд не может ассоциировать себя с несостоятельным партнёром, — произнёс отец, не поворачивая головы. — Помолвка расторгается.

Всё, отрезал.

Мне бы радоваться, но внутри что-то кольнуло.

Освальд начал оправдываться, заикаясь. Нервно тараторил. А мой отец не удостоил его даже взглядом.

Ирэль стояла и не шевелилась.

А что если...

Эта мысль пришла ко мне внезапно.

Моя ладонь оказалась у неё на поясице. Никто не видел, поскольку сзади нас была стена. Я чувствовал рукой жар девушки и... мелкую дрожь.

Волк во мне сел на задние лапы и уставился на неё.

Не сразу понял. Помолвку расторгли, она уже не моя невеста, не моё дело. Уйдёт с отцом, сядет в машину, и я её больше не увижу. Лишь в академии издалека, как три года до этого.

Всё это время мне можно было только на неё смотреть. Трогать нельзя. Клан Скалле стоит ниже нашего на три ступени. Йорд не тащит третьекурсницу-бету к себе в постель, потому что это роняет имя. Так учил отец, и я с удовольствием жил по этим правилам. Альф предостаточно вокруг.

Сейчас она стояла очень близко. Уже не невеста. Никто.

Но день ещё не закончился. Значит, можно?

Волк тявкнул.

Убрав руку с её поясицы, я перехватил её за локоть.

— Пойдём, — бросил я тихо.

Она подняла на меня глаза. Впервые за вечер посмотрела прямо в лицо. У неё они были светло-голубые и злые.

— Я хочу к отцу.

— Наговоришься ещё с ним. Сейчас пойдёшь со мной.

Секунда, и я уже вёл её мимо гостей. Она молча шла рядом.

Дальше боковая дверь, служебный коридор, кухонная пристройка и наконец винная кладовая. Это тесное и длинное помещение с двойными стеллажами вдоль обеих стен. На дальнем конце едва всё освещалось единственной лампой.

Задвинув засов, я обернулся.

Ирэль стояла посреди прохода лицом ко мне. К стеллажу не отступила, спиной не прижалась. Девушка только подняла подбородок и внимательно рассматривала меня.

— Что тебе надо, Йорд? — спросила она со злыми нотками в голосе. — Мало было смотреть, как меня растоптали?

Не ответил сразу. Наслаждался её красотой. Облизывал взглядом каждый сантиметр её лица. Сейчас оно было бледное. Пухлые губы сжала. А густые ресницы подрагивали. Но на них ни капельки. Плакать она не будет. Это хорошо.

— Я не смотрел, — отозвался я, растягивая слова.

— Странно. Мне показалось, ты положил мне руку на спину, и тебе очень нравилось, как я дрожу.

Уголок губ у меня дёрнулся.

— Мне не понравился твой отец. Не понравился Хек. Однако понравилось, как ты держалась.

Она зло усмехнулась.

— Значит, для этого потащил в кладовую? Похвалить?

— Нет, — наклонил я голову и шагнул ближе.

Девушка не отступила.

— Тогда для чего?

— Я тебя давно заметил, Скалле. Просто нельзя было.

Она замерла.

Я не собирался говорить эту фразу. По крайней мере, не так чтобы Ирэль поняла всё сразу. Но она вылетела сама, и я уже не мог её вернуть.

Ну и ладно, пусть.

— Не верю, — наконец качнула головой Ирэль. — У тебя в академии половина курса. Иди к своим девкам. Там уже очередь.

Волк дёрнулся оттого, что она это заметила.

— А ты, значит, следила за очередью, Скалле? — Я подошёл ещё ближе, и теперь она чувствовала моё дыхание. — Ты знаешь, сколько у меня девок и про свиту. Следила за мной три года? Можешь не отвечать. Я тоже смотрел. Просто у меня было право отвернуться. А у тебя нет.

Она сжала челюсть и процедила:

— Ты закончил?

— Нет.

Я поднял руку, и девушка тут же напряглась. А после я взял пальцами её за подбородок. Мой взгляд опустился к её губам, а затем снова вернулся к её небесно-голубым глазам.

— Слушай меня внимательно. Твой отец сегодня повесил тебя на крюк. Помолвка расторгнута, приданого нет, клан пустят с молотка. Через месяц Хек заберёт то, что осталось. Через два — Лейва.

Она вздрогнула — услышала имя племянника.

— Или, — продолжил я тем же тоном, — клан Йорд оформит на этой неделе продление кланового моратория на Скалле на десять лет. Ходатайство от отца, регистрация в клановом Совете. Хек до совершеннолетия Лейва к вам не сунется. Его молчание я обеспечу отдельно. Он больше не приедет. С отцом я вопрос решу. Это не проблема.

Медленно, не отводя от меня глаз, Ирэль пробормотала:

— И что я должна буду за это сделать?

Она знала, что мне нужно. Или догадывалась. Поэтому я не стал долго её томить ожиданием.

— За то, что ты сейчас встанешь на колени и возьмёшь меня в рот.

Секунду она смотрела в упор. Потом зло рассмеялась.

— Ты серьёзно, Йорд?

— Вполне.

— Мораторий на десять лет за пять минут в темноте... Ты дешёвый.

— Я щедрый, — ответил я ей ровно. — Твой отец за десять лет своей жизни столько не заработал.

Ирэль только дёрнула головой, освобождая свой подбородок от моих пальцев.

— И тебе действительно всё равно, что я тебя ненавижу?

— Мне это даже нравится, Скалле, — протянул я.

Она молчала долгую секунду, потом снова заговорила. Теперь ядовитее:

— У тебя все курсы на выбор. От первого до пятого. Куртизанки, наверное, на быстром вызове. Что тебе нужно от меня? Что ты хочешь доказать?

Волк во мне довольно закрыл глаза. Хороший вопрос, Скалле. Умная девочка.

— Ничего не буду доказывать, — пожал я плечами. — Просто хочу тебя. Так вышло.

Ирэль посмотрела на меня так, будто впервые увидела. И я услышал, как у неё внутри шла борьба. Сделка хорошая, и она это понимала. Спасти собственную семью за пять минут, которые можно сразу же вычеркнуть из памяти.

Девушка сейчас была не здесь, а где-то, где у неё имение, ребёнок, деревенская тётка Ингер, крыша, которая протекает над северным крылом.

У меня же билось сердце в ожидании её ответа. Странно. Обычно я спокоен.

Отец её продал. А сейчас она себя выкупала.

Волк жалобно взвыл от нетерпения. Никогда до этого так не делал.

— Хорошо, — кивнула Ирэль. — Но с одним условием.

Я замер. Даже не дышал.

— Слушаю.

— Мораторий будет подписан до того, как я к тебе прикоснусь. Не после.

Впервые за вечер я улыбнулся.

— Не выйдет, Скалле. Совет собирается по вторникам. Сегодня суббота.

— Тогда — слово Йорда. Здесь и сейчас, — почти приказала девушка.

Смотрел на неё и думал, что этой женщине надо было стать главой клана лет десять назад. Тогда, может, и не разорились бы. — Слово Йорда, — протянул я. — Мораторий на Скалле продлевается на десять лет. Ходатайство подам во вторник, регистрация будет до конца недели. Хек в твоё имение больше не приедет — это моё второе слово.

Ирэль наклонила голову, о чём-то размышляя. Мне нравилось, как она держалась. Не впадала в истерику и не пыталась дать мне пощёчину, при этом сохранив гордость.

— Принимаю, — выдохнула девушка.

Я расстегнул ремень. Металлическая пряжка звякнула в тишине. Дальше пуговица и молния.

Мне не хотелось больше ей помогать, поэтому я просто стоял и смотрел.

Ирэль опустила плечи, и её платье собралось на бёдрах, волосы качнулись вперёд, закрыв лицо.

Она сама вынула меня холодными пальцами. У меня уже стояло.

Я почувствовал первое касание её прерывистого дыхания, а после девушка неуверенно дотронулась губами.

Внутри у меня всё поехало.

Такое мне делали раньше много раз. Кадетки разных курсов и сортов. Они умели, знали позы. Некоторые даже выучили, где ласкать языком, чтобы я кончил быстро и красиво.

Ирэль не умела.

Она держалась двумя руками за мои бёдра, будто это поможет её не упасть. Движения были простые, но темп сбивый. Даже не пыталась изобразить, что делала это раньше. Кажется, я у неё первый. Это я понял быстро.

И меня взорвало так, что пришлось упереться ладонью в стеллаж над её головой. Да так, что костяшки стукнули о дерево.

Техника тут ни при чём. Просто... это была Ирэль. Аристократка, не поднимавшая на меня глаз в академии три года. Она ходила по коридору с горделивой осанкой, будто у неё за плечами всё ещё дед-герой, а не разорившийся отец. Полчаса назад стоявшая в зале с поднятым подбородком, пока её топили. А сейчас стояла на коленях в винной кладовой. И я чувствовал её язык.

Меня рвало на две части.

С одной стороны, я думал, что надо закрыть глаза, кончить, отпустить её и забыть. Не в первый раз. У меня таких было полсотни и ещё будет столько же. Через пять минут я буду в машине и уже спустя два часа — в академии. Сделка обычная. Я платил мораторием, она — собой. Всё.

Но с другой стороны, во мне просыпалось что-то новое и до одури голодное. И мысль бы совсем иная. Мне мало. Я хотел её здесь, на этом полу. Представлял, как задираю ей платье, вхожу сзади, чтоб она держалась за нижний стеллаж, и роняла бутылки. Хотел забрать её отсюда, положить на свою кровать, всю ночь брать. Хочу услышать, как она наконец выкрикнет моё имя. Хочу знать её вкус.

Опустив взгляд, я нашёл её лицо.

Глаз она не поднимала ни разу за всё это время. Волосы висели вдоль щёк, видно было только опущенные ресницы. Гордость Скалле просачивалась даже сейчас.

Мои пальцы сами зарылись в её тяжёлые золотистые волосы.

— Скалле, — позвал я тихо. — Смотри на меня.

Секунду медлила, а затем подняла серые глаза, немного влажные от напряжения. В них разливалась злость и гордость. А ещё огонь.

Волк во мне устался на неё. Всё, не отпустит.

— Я думал, у тебя рот только для того, чтобы огрызаться, — произнёс я тихо. — Ошибся.

Она прищурилась, но взгляда не оторвала.

Я соскользнул большим пальцем ей на шею и нашёл венку. У неё быстро бился пульс. И явно не от гнева. Потому что нос уловил ещё тонкий аромат.

— Ты возбудилась, Скалле.

Она вздрогнула.

— Слышу это по пульсу. Чую запах. Хочешь — не хочешь, тело у тебя уже всё сказала за тебя.

В её глазах вспыхнула ярость, и она быстро отвела взгляд, но недостаточно. Я успел заметить.

— Не отворачивайся, — приказал я. — Ты сама выбрала здесь стоять. Смотри.

Ирэль посмотрела на меня.

Волк во мне дёргался и ходил туда-сюда, не переставая. Ещё. Мне мало.

Тянул я не потому, что хотел её мучить. Я понимал: когда кончу, сделка закроется. Ирэль встанет и уйдёт, а я останусь здесь с диким желанием попробовать её.

Что я делаю? Что я, чёрт возьми, делаю?

Проведя мягко пальцами по её подбородку, я замедлил её темп.

— Не спеши. Мне некуда торопиться.

Она держала ритм, который я ей дал. Глядя на её рот и думал, что буду его вспоминать всю ночь. И следующую. А может быть, ещё месяц.

Меня повело окончательно.

— Смотри на меня, Скалле, — протянул я глухим голосом. — Хочу видеть твои глаза, когда я в тебя кончу.

Она подняла взгляд.

Я не отпускал девушку. А когда во мне рвануло, я глаз не закрыл. Смотрел на неё. Один раз в жизни не спрятался в этот момент. Показал ей.

Она увидела мою страсть. Секунду мы не двигались.

Потом я выдохнул, отпустил её подбородок, вышел. Ирэль, отклонившись назад, села на пятки.

Я застегнулся и снова опёрся на стеллаж, потому что внутри всё пульсировало. Наполнялось каким-то зверским голодом.

— Встань, — почти прошептал я.

Она собралась встать сама, но я опередил. Взял её за локти и рывком поднял.

Моя ладонь прошла вверх по её бедру и нырнула под ткань её платья.

Девушка попыталась перехватить моё запястье, но я уже был там, где хотел.

На внутренней стороне бедра я чувствовал горячую кожу. Ирэль прерывисто задышала. Всё ещё хваталась за моё предплечье, чтобы я не двигался дальше. Но это бессмысленно.

Я нашёл кромку белья, и оно было насквозь мокрое. На секунду замер и девушка тоже.

Провёл пальцами вдоль. И нырнул под кружево.

Ирэль сжала челюсть, но ничего не говорила. Просто шумно выдохнула.

Вытащив руку, я поднял её на уровень света, изучая то, как блестят пальцы.

Она же смотрела в сторону. Не хотела видеть.

— Открой рот, Скалле, — приказал я.

Губы у неё сжались плотнее. Я же ждал.

И через секунду Ирэль чуть приоткрыла их, с ненавистью глядя на меня.

Я медленно размазал всё по нижней губе, заставляя девушку почувствовать свой запах и вкус.

— Волчица в тебе течёт, Скалле, — сказал я тянуще. — Как бы ты ни держалась.

Ирэль поняла, что выдала себя и теперь не знала, как выкрутиться.

Девушка смотрела на меня секунду, а потом тихо сказала:

— Ты закончил, Йорд?

— Пока да, — всё ещё ласкал я пальцами её припухшие губы.

— Тогда убери руку.

Нехотя я подчинился.

Она сама опустила подол, разгладила ткань на бедре. Я тоже прошёлся ладонью по одежде.

Поправив волосы, Ирэль холодно взглянула на меня. Её руки дрожали, и я это видел.

— Мораторий будет оформлен на этой неделе, — повторил я нашу договорённость. — Ходатайство подам во вторник.

— Хорошо, — кивнула девушка.

— Выйдешь первая, — продолжил я. — Через боковой коридор, налево, потом прямо. Скажешь отцу, что ждёшь его в машине. Я выйду через пять минут.

После этого Ирэль двинулась к двери.

— Скалле, — остановил я её.

Она обернулась в четверть оборота.

— Ты держалась хорошо, — тихо произнёс я. — Не думал, что в клане Скалле ещё осталась порода.

Секунду она стояла и после ответила:

— До свидания, Йорд. Надеюсь, больше не иметь с тобой дел.

И вышла.

Опершись спиной на стеллаж, я прикрыл веки. Пришёл сюда сорваться один раз и закрыть тему. Дело сделал, а вот тему, кажется, наоборот, открыл.

Она мне была не нужна, пока имела статус невесты. Зато сейчас во мне пробудился хищник.

Через пять минут я вышел в зал. Отец с кем-то разговаривал из Ульвенов. Освальд уже уехал, Ирэль — тоже. Никто ничего не сказал и не спросил.

Подойдя к столу, я взял бокал шампанского и залпом выпил. Встал у окна.

В темноте отъезжала последняя машина по гравийной дорожке.

Смотрел ей вслед и думал одно: я эту женщину от себя не отпущу. Ни через месяц, ни через год. И плевать, что скажет отец.

Волк со мной согласился.

Глава 2

Ирэль

Показав мне на кресло у окна, секретарь Хёгсета вернулся за пишущую машинку и застучал дальше. Меня не окликнули. Часы над его столом тихо стучали.

Я села, положив тетрадь на колено. В голову лезло разное.

В приёмной ректора витал запах остывшего кофе из чашки на столе секретаря. Ноябрьский свет из окна падал узкой полосой. Через двор было видно, как двое кадетов первого курса волокли под дождём ведро. Скорее всего, их за что-то наказали.

Я перебирала эти две недели, что вернулась в академию после помолвки. И ничего не находила, за что меня могли вызвать. Проверочные, да, завалила, причём две подряд. Но за них сюда не тащат. На занятиях сидела спокойно. С кураторами не сцеплялась. Значит, что-то произошло извне.

Мысли пошли в другую сторону.

Помолвка официально расторгнута. Йорд сдержал слово, и мораторий наложен. Ход в клановом реестре сделан. Могли всплыть какие-то формальности с моей стороны, могли поднять вопрос об ущербе... Хек мог подать что-нибудь. Или же отец. Хотя Освальд, будучи в столице, вряд ли предпринимал что-либо, что доходило до ректора Фенриджа.

Секретарь поднял голову и бросил:

— Проходите, Скалле.

Я встала и, поправив ворот, вошла.

Кабинет Хёгсета был светлый, с высокими панелями и панорамным окном. Как раз у него, спиной к двери, стоял сам ректор. Крупный и тяжёлый мужчина с большими плечами. Седина уже коснулась волос. Стригся он коротко. Серебряная бляха ремня — маркер человеческого командования — тускло блестела в утреннем свете. На левой стороне груди у него был орден, который я видела на портретах героев ленсхольмской кампании.

Ему было около шестидесяти. По слухам, взятки не брал.

Он повернулся, шагнул от подоконника и чуть наклонил голову набок. Как-то сочувственно. И внутри меня тут же ёкнуло.

— Скалле, — поприветствовал он. — Проходите, присядьте.

Закрыв за собой дверь, я прошла к стулу перед его столом, села.

Он тоже расположился напротив. Сложил ладони. А после посмотрел прямо в глаза.

— Ваш отец, — произнёс он, — был найден сегодня утром. Мёртвым.

В меня влетели эти слова и, задержавшись внутри, выпорхнули наружу, не удержав смысла.

— Мёртвым? — повторила я вслух.

— Его нашли с ножевым ранением в переулке за одним из кабаков на Северной окраине. Патруль обнаружил его на рассвете. Дело у военной полиции.

Кровь отлила от лица. Я почувствовала, как жила у виска забилась в бешеном ритме. Ладони потяжелели.

Нет, мир не поехал куда-то. Наверное, чего-то подобного я и ожидала. Просто не думала, что это случится так быстро.

— Обстоятельства известны? — спросила я.

— Уточняются. Излагать то, чего сам не проверил, не стану.

— Понимаю.

Ректор дал мне минуту прийти в себя. Новость ужасная, но она не сбила меня с ног и не заставила плакать. Внутри расползалась вместо этого пустота.

— Мне полагается отпуск, — протянула я, всё ещё находясь в своих мыслях.

— По уставу пять суток. Служебная машина уже ждёт у главных ворот, водитель предупреждён. Похороны пройдут по вашему усмотрению, в имении.

— Благодарю, — выдохнула я.

— Скалле, — позвал ректор, и я подняла взгляд.

Хёгсет не двигался, лишь внимательно наблюдал за мной.

— Если понадобится продление — обращайтесь напрямую. Не через кураторов.

Это было щедро. Хороший мужик. Правильную должность занимал.

— Хорошо, — кивнула я.

А после встала и вышла, придержав дверь, чтобы она не хлопнула.

В коридоре административного корпуса было пусто. Пройдя несколько шагов, я остановилась у окна. Оперлась ладонью о холодный подоконник.

За стеклом мок плац.

Мой отец был мёртв. Освальд Скалле, некогда стоявший у Ленсхольмского перешейка с тем же орденом, что сейчас на груди у Хёгсета, умер. Тот отец ушёл вместе с моим братом Сигвальдом — десять лет назад, ещё до того, как я поняла, что бывают отцы, которые не расчёсывают тебе волосы, а прикидывают, кому тебя отдать выгоднее. С восемнадцати он начал говорить об этом вслух. К двадцати трём деньги Сигвальда — военная выплата за смерть моего брата — были промотаны до копейки. Две недели назад, у Йордов, Хек сказал вслух то, что можно было решить у нотариуса за неделю до всей этой катастрофы. Отец ничего не сделал, и весь позор обрушился на меня.

А теперь... переулочек за кабаком. Это логичный исход.

Клянусь всеми богами, я не должна была так думать.

Я медленно вздохнула.

Внутри ничего. Тёмная бездна.

Что-то попыталось оформиться. Похожее на грусть. Но тут же потухло.

Теперь я глава клана. Имение на мне. Ингер и Лейв тоже. Долги, часть которых я даже не знаю, придётся выплачивать. Хорошо, что разобралась с мораторием Йордов. Невелика плата. А вот Хек сейчас узнаёт эту новость и снова прибежит. Как-нибудь справлюсь.

Вместо печали по телу разливался страх. Как теперь жить одной? Но, может, так даже проще.

Достав телефон, я машинально посмотрела на сообщения. Мне уже написала тётя. Однако было ещё одно. От Кая: «Соболезную».

И пришло оно, когда я находилась в кабинете ректора. Значит, Йорд узнал по своим связям.

Стоя у окна с телефоном в руке, я смотрела на это слово и думала, что Кай единственный из всех, кто знал, кого я хороню на самом деле.

Но я ничего не ответила. Убрала телефон в карман. Пусть Йорд сам решает, что это значит.

Я быстро собралась и села в машину.

Мы подъехали к имению в сумерках. Водитель заглушил мотор и вышел открыть багажник.

На пороге меня ждала тётя Ингер в тёмном пальто, накинутом поверх домашнего, с наспех повязанным серым платком. Русые волосы, поседевшие у висков рано, торчали из-под ткани. Ей было около сорока пяти, и седины стало больше за этот год.

— Приехала, — вскинула руки она.

— У меня выбора не было, — пробубнила я, обнимая её.

— Как же это так? — запричитала женщина. — Что же это?

— Лейв наверху? — прервала я её всхлипы.

— Да-да. Ждал тебя.

Она посторонилась, впустив меня в прохладный холл. Ингер топила по-своему, когда начинали замерзать кончики пальцев. Экономная.

— Он ждал тебя весь день, — лепетала тётя, забирая у меня пальто. — Я ему сказала утром. Не хотела, чтобы услышал случайно.

Я кивнула.

— Настоятеля вызвала?

— Тордсен приедет к рассвету. Всё готово.

— Спасибо, Ингер.

Она посмотрела на меня серыми глазами. Взгляд у неё всегда был тяжёлый. Ничего не добавила. Повернулась и ушла в гардеробную.

Наверху стукнула дверь, потом раздались лёгкие, быстрые шаги, и я подняла голову.

Лейв замер на середине лестницы, ухватившись за перила. Он был в домашнем свитере, каштановые волосы сбились набок. Как всегда после кровати или книги. Худой, вытянутый. За лето вырос ещё на сантиметр. Ему в июне исполнилось двенадцать лет.

— Ирэль! — крикнул мальчик и сбежал ко мне по ступенькам.

Поставив сумку, я раскрыла ему руки, и он вжался лицом мне в плечо. Худой такой. Я обняла его целиком, ладонью зажав ему затылок.

— Мне Ингер сказала... — проговорил он в мою ключицу, и голос сорвался. — Я хотел сразу к тебе в академию поехать, но она сказала, что ты сама приедешь.

— Конечно, сама, Лейв. Что бы ты там делал?

Он не отпустил меня.

— Что теперь? — спросил мальчик.

Ему единственному было важно, что будет со мной.

— Похороним как положено завтра утром. Тордсен приедет.

— А потом?

— А потом всё, как было. Ты останешься в имении с Ингер. Я буду учиться в академии и приезжать по возможности, как раньше.

Он дышал мне в плечо, и его тело чуть подрагивало от страха.

— А ты?..

— Что?

— Ты теперь совсем одна?

Вопрос уже не детский. Не знала, как на него ответить, и, задумавшись, провела ладонью по его затылку, разгладив выбившуюся с макушки прядь.

— Нет, — прошептала я в его волосы. — Не одна. Ты со мной, и Ингер с нами.

Он ещё сильнее прижался. Потом всё же отступил на полшага, вытер быстро щёку рукавом свитера, чтоб я не увидела.

— Есть будешь? — спросил он совершенно взрослым тоном.

— Буду.

Он кивнул и повернулся звать Ингер.

Я стояла в холле имения Скалле, того самого, где не была уже давно. Крыша над южным крылом текла, и в библиотеке кожа покрывалась мурашками от холода. Тут мало что менялось. Я подумала, что ребёнок, который плакал так, чтобы я не увидела, — это единственный оставшийся Скалле, кроме меня. Нас становится всё меньше. Ингер своя, но она из клана Асе — клана мамы Лейва.

Хоронили на рассвете.

Часовня Скалле стояла в стороне от главного дома, за старыми липами. Ноябрьское небо было того же цвета, что и стены.

Народу собралось меньше, чем я помнила на любых клановых похоронах. Пять или шесть человек из союзных мелких домов, все — старики, приехавшие ради того, чтобы помянуть

Сигвальда, а не ради Освальда. Двое из южной ветви, которых я узнавала по фамилиям, но не по лицам.

В тёмной рясе к нам вышел Тордсен. У него была седая нестриженная борода и осипший от холода голос. Гроб — закрытый. Тордсен объяснил у входа, что лицо Освальда не для показа, и я не стала задавать вопросов.

Внутри было холодно. По стенам шли плиты старых Скалле, уже почерневшие за век и больше. Поновее, у алтарного края, находилась плита моего брата.

Сигвальд Скалле. Двадцать пять лет. Погиб в бою на драконьем фронте.

С тех пор прошло уже десять лет. Я подошла и коснулась камня пальцами. Сигвальд у меня в памяти оставался высоким, светловолосым, с тем же голубым цветом глаз, что у меня и у Лейва, и с той же скальской лёгкой улыбкой, которой Освальд разучился улыбаться первым. Сразу после похорон.

Асе, жену Сигвальда, похоронили рядом. Она умерла вскоре после гибели мужа, наверное, не смогла пережить его смерть. Ингер — её младшая сестра — приехала тогда в имение с двухлетним племянником. Так и осталась. Мне было всего тринадцать. Кормила Ингер, держала я. Отец в это даже не вмешивался уже тогда.

Я убрала руку с камня и вернулась на своё место. Встала рядом с Лейвом.

Его каштановые волосы намокли, пока мы шли от дома. Он не пытался их поправить. Я заметила, что коричневое пальто уже маловато. Надо будет новое скоро покупать.

Из его глаз катились тихие слёзы. Он старался их сдерживать, по-мужски стиснув челюсть.

Мальчик оплакивал деда-героя. Того Освальда, о котором в имении рассказывали, что он стоял у Ленсхольмского перешейка, выносил из-под огня друга, вернулся с орденом. Тот Освальд ушёл вместе с Сигвальдом. Тот, кого мы хоронили сегодня, был другой.

Я решила, что не стану разубеждать. Пусть у него останется тот дед. Лишь сжала его маленькую руку.

Тордсен читал по-стариковски какую-то молитву, и слова уносились холодным ветром. Долетали до меня обрывками. Я смотрела мимо гроба на камень над окном, где родовой знак Скалле. Маленький череп был стёрт временем до почти невидимого. Помнила его с детства.

Напротив стояла Ингер в тёмном платке. Она не плакала. Её взгляд встретился с моим. Мы обе знали, что теперь всё повиснет грузом на мне. Больше некому справляться со всем этим.

Ночью меня повезли обратно в академию. Мне надо было побыть одной и подумать.

За окном мелькал тёмный лес. Откинув голову на подголовник, я закрыла глаза.

И что же у меня сейчас есть?

Освальд мёртв. Хеленн, моя мать, в лечебнице для душевнобольных. Без неё проще, чем с ней. Она периодами нормальная, а потом начинается обострение, которое может длиться долго. В последний раз отец её отправил на год.

Наверное, я должна была бы сейчас плакать. Но ничего внутри не поднималось.

Может, стоило пожалеть Освальда? Но нет. Даже ни на миллиметр в его сторону не шелохнулось чувств.

С этой ночи всё, что случится с кланом Скалле, будет на моих плечах. Теперь я буду принимать решения. Если Виль Хек шевельнётся, то мне придётся с ним разбираться. Как и Йордом, если тот вдруг вспомнит про мораторий. Судьба Лейва тоже теперь в моих руках.

Но вот грустно мне всё же было. Потому что рядом со мной никого. Ни одного мужского плеча. Как будто нас кто-то проклял.

За окном мелькнули фонари, и мы снова погрузились в темноту. Вот так и моя жизнь... В постоянном мраке. Лишь иногда что-то проскальзывает светлое. Но я уже привыкла.

Глава 3

Ирэль

Уже где-то в полночь мы прибыли в академию. Я вышла и направилась через двор, не заметив по пути ни одного лица. Сегодня пятница. Все, у кого было куда пойти, смылись. Ариса ещё днём отписалась, что вернётся под утро. Значит, комната будет моя.

Я тихо закрыла дверь и, развернувшись, стала раздеваться. Осталась лишь в майке и в белье. На большее сил не было.

Дежурную лампу у стола я погасила. За окном светил жёлтый уличный фонарь, и его хватало, чтобы дойти до кровати не на ощупь. Легла лицом к стене, подтянув одеяло к плечу.

Впервые за двое суток стало тихо. В имении гудели родственники, в машине отдохнуть тоже не удалось, и в голове у меня сейчас был ураган.

Могу ещё несколько дней взять отдыха, но уж лучше пойду завтра на пары, чтобы не мучить мозг.

Заснуть не получилось.

И тут в тишине скрипнула дверь.

Я не пошевелилась, думая, что это Ариса раньше вернулась со своих посиделок. Сейчас пройдёт к своей кровати, стянет туфли, свалится сверху одетая.

Шаги оказались тяжелее, размереннее, чем у соседки. Слишком уверенные для девушки, вернувшейся с вечеринки.

Я вдохнула через ноздри, и моя волчица узнала запах. Дымное, с привкусом мускуса. Это Йорд!

Матрас сзади просел под чужим весом.

Резко развернувшись, я успела набрать в грудь воздуха, но его ладонь зажала мне рот.

В темноте я видела силуэт, наклон головы и ширину плеч. А ещё глаза. Волчье золото чуть блестело по кромке радужки тонкой линией, тлело у зрачка. Зверь на грани.

— Тихо, — прошептал он мне тянущимся голосом. — Не кричи, Скалле. Никто не должен слышать.

Этого делать я не собиралась. И замерла.

Зачем он пришёл?

— Умница, — пробормотал он, хваля меня как своего пса.

Я могла дышать, но говорить нет. Другой рукой Кай опёрся о матрас у моего плеча, наклоняясь ближе. Горячее дыхание опалило висок.

— У нас с тобой разговор. Не хочешь скандала — не крикнешь. Ясно?

Я кивнула. Согласилась из расчёта. Скандал в общежитии ночью, с наследником Йорда в моей постели — это то, чего я не могла себе позволить, что бы дальше ни было.

Кай убрал ладонь, и я вдохнула.

— Убирайся, — прошипела я в темноту.

— Думаешь, я уйду от одного твоего слова? — хмыкнул он и чуть отстранился.

Приподнявшись на локтях, я подтянула съехавшее одеяло к груди.

— Йорд, что ты здесь делаешь?

— Пришёл, потому что ты одна, — растягивал он слова мягким басом.

— В этом и смысл. Я хочу быть одна.

— Не хочешь. Тебе надо с кем-то поговорить.

— Точно не с тобой.

— А вот это мы ещё выясним.

Он говорил тихо, тянуще, ни на секунду не отводя от меня взгляда. Волчье золото тлело по кромке и не гасло.

— Слушай меня, Скалле. Внимательно. — Он подождал, пока я перестану дышать через рот, и продолжил: — Ты сегодня стояла у гроба и не пролила ни одной слезы. По отцу. По Освальду. По человеку, который тебя пропил и продал так, что от вашего клана к моменту помолвки не осталось ничего, кроме имени. Это так?

Внутри у меня всё опустилось. Я подобрала одеяло выше.

— Не твоё дело, — огрызнулась я.

— Моё. Потому что я стоял с тобой в кладовой. Я знаю про долги. И про Хека. Знаю, кому и за сколько твой отец обещал тебя до меня.

— Уходи, Йорд.

— Не пойду.

Схватив мои плечи, Кай не дал мне лечь обратно. Держал меня приподнятой на локтях, лицом к нему.

— Ты сейчас ждёшь, когда придёт горе. Оно не придёт. Ты это знаешь. И тебе от этого страшно.

Он читал меня как открытую страницу. Я не шевелилась. Но дёрнулась вперёд, выплюнув:

— А ты решил в моих мозгах покопаться?

— Внутри у тебя грязь, — проигнорировал он мой выпад. — Всё, что копилось годами при живом Освальде, никуда не делось оттого, что его закопали. Оно там же. Оно тебя разъест, если не выйдет.

— Ты не мой лекарь.

— Я лучше. И нужен тебе сегодня в другом качестве.

Кай говорил тихо, с почти дружелюбной интонацией. И от этого внутри всё сжималось.

— Я тебе сегодня дам то, что ты сама себе взять не позволишь. Ты выпустишь из себя всё, что скопилось. И утром сможешь жить дальше.

Я смотрела на него и понимала: он не шутит. Он пришёл всерьёз. И с каким-то дьявольским планом.

— Ты сошёл с ума, Йорд.

— Возможно.

Он не оправдывался. Просто согласился. А после лениво продолжил:

— И до тебя мне было бы дело в последнюю очередь. Но я поймал твой запах через двор. И понял, что тебя надо развернуть, иначе завтра ты отсюда не выйдешь.

Между нами повисла тишина. В шее у меня стучало.

— Уходи, — повторила я уже устало.

Не ответив, он приподнялся, взял мои кисти одной своей и уложил меня обратно на спину. Другой рукой прижал мои запястья над головой, к прутьям изголовья.

Я дёрнулась, но с ним это бесполезно.

— Пусти.

— Не сейчас.

Дёрнулась ещё. И ещё. Смысла уже не было, но сдаваться нельзя.

Свободной рукой Кай расстегнул свой ремень. Вытянул, обернул вокруг моих запястий одним движением, пригвоздив их к прутьям у изголовья. Затянул.

У меня сдали мышцы. Плечи опустились, дыхание сбилось, а ладони над головой разжались сами. Я закрыла глаза, потому что смотреть в его золото стало выше моих сил.

Одеяло съехало на бедра. Майка задралась к груди.

Спокойно сев на край кровати, Кай произнёс:

— Умница. Дальше будет проще.

Я не могла ничего сказать. Внутри всё загорелось. У меня к нему странные чувства: я его ненавидела и горела от этих жёстких прикосновений. Может, я ненормальная. Но сейчас решила не сопротивляться.

Наклонившись надо мной, Кай положил тяжёлую ладонь мне на живот, у пупка.

— Я тебя раздену. Ты не будешь мешать. Потом мы поговорим. Ты выпустишь то, что копится. И утром вернёшь себе своё лицо. Ясно?

— Теперь ты вдруг решил спросить разрешения?

Он повёл руку вверх и накрыл ею мою грудь. Сжал так, что я выгнулась, закрыв глаза. А когда открыла, его лицо находилось прямо перед моим. Губы наши почти касались.

— Ты уже ответила, — усмехнулся он.

Кай стянул майку через голову. Я приподняла плечи, и это стало моим первым молчаливым согласием, хотя я себе в этом не призналась. Она осталась тряпкой висеть на моих руках. Бюстгальтера на мне не было. Тонкое бельё он снял тоже сам, стянув вдоль бёдер, и кинул куда-то в темноту.

Я лежала нагая. Он же остался в кителе и брюках.

Его ладонь скользнула по моему животу к бедру. Обратно вверх к груди. Он взял её, и теперь я чувствовала жар его кожи. Без майки. Я резко вдохнула.

— Тихо, — прошептал он у уха.

Наклонившись, Кай прижался губами к ключице. Опустился ниже и втянул сосок и облизал. Несколько касаний, и я почувствовала, как сомкнулись его зубы. Резкая горячая вспышка ушла у меня от груди к горлу, и я не стала гасить стон. Хотя, наверное, просто не успела.

— Хорошо, — пробормотал он куда-то мне в кожу.

С другим соском сделал то же. У меня в глазах пошли короткие белые точки, и я поняла, что тело моё уже отвечает и что скрывать это дальше смысла нет.

Но что самое ужасное, что Кай это тоже осознал и не спешил.

Прошёл медленно губами по рёбрам, задерживаясь на каждой. Ниже к бедру. К внутренней стороне.

Клянусь всеми богами, не разожму ноги.

Но этого и не надо. Кай сам их раздвинул ладонью.

Внизу у меня было мокро. Постыдно, конечно. Я это чувствовала до того, как он обнаружил.

Кай на секунду замер и только хмыкнул, показывая мне, что моё сопротивление лживое. Тело уже решило за меня.

Потом он опустил голову, и я вздрогнула. Его язык был там, где я больше всего не хотела, чтобы он был, и одновременно именно там, где я больше всего боялась, что он окажется. Я чувствовала его тепло и медленный ритм. Кай знал, что делать.

У меня вырвался стон, и я вжалась щекой в собственную руку, закусив там кожу.

— Не смей этого делать! — приказал он.

Я не разжала зубы. Тогда, поднявшись, он взял меня за подбородок и повернул моё лицо к потолку. Подержал так секунду, давая понять, что глушить в плечо я больше не буду.

— Мне нужно слышать тебя, Скалле. Или же я сделаю другое. Но мы же не хотим спешить?

Мне оставалось лишь кивнуть, и он вернул рот вниз.

Второй стон я не остановила. Он прошёл наружу.

Кай ласкал медленно, будто торопиться некуда. Ввёл в меня пальцы. Сначала один, потом два. Они были длинные, знающие внутри точку, о которой я не подозревала.

И в какой-то момент он остановился.

Я успела дойти до самой границы и повисла на ней. Тело моё съёжилось внутри, ища, куда двинуться, и не находя.

— Йорд, — выдохнула я. — Ты издеваешься?

Он поднял голову.

— Что ты чувствовала на похоронах, Скалле?

Его голос тихо тянулся сквозь общую тишину, будто он спрашивал через стол, а не между моими бёдрами.

Я молчала и не отвечала на этот вопрос.

А Кай ждал.

Пальцы внутри чуть двинулись, не давая мне погаснуть, и остановились, отчего я вдохнула через зубы.

— Отвечай, — требовал он.

— Не твоё дело.

Я огрызалась, но моё тело дрожало. И Кай это видел.

— Моё. Пока не ответишь — не двинемся.

Он говорил всерьёз. Это было ясно по тому, как ровно он держал пальцы. Никакой торопливости и злости. Спокойное ожидание.

Закрыв глаза, я услышала, как внутри у меня по-звериному всё заскулило. Первое настоящее движение чувств за вечер.

— Скалле, — прошёлся его голос по моему телу вибрацией.

— Не скажу.

Опустив рот, он издевательски невесомо провёл языком. Пальцы шевельнулись в той самой точке, и я дёрнулась в ремне. Кай снова замер.

— Скажешь, и я тебя пушу. Одно слово. Что ты чувствовала?

Внутри у меня стало горячо от того, что подступало снизу и не находило выхода. Оно давило к горлу и к глазам. Не похоже на слёзы. Наверное, больше ярость или злость. Хотелось кричать.

— Пусти, — едва слышно прошептала я.

— Одно слово. И пушу.

Он мог ждать сколько угодно.

— Тишину, — вырвалось из меня.

Это правда. Я поняла это в тот момент, когда произнесла. Стоя у гроба, во мне было тихо. И это пугало, потому что дочь должна плакать, потеряв отца.

— Правильно, — протянул он. — Дальше я, Ирэль.

Пальцы внутри медленно двинулись. Рот вернулся туда, где был. Он вёл меня к концу, и я это чувствовала.

Оргазм подходил долго, потому что я его уже почти не пускала. Вслед за ним подступало нечто тёмное и злое.

Кай это ловил и замедлялся. Поднимался губами выше на живот, рёбра, снова на грудь. И опять опускался, когда я почти возвращала контроль. Держал меня на границе. Не дарил мне оргазм. Выкручивал его из меня.

Но всё же бегать от этого уже не могла. Секунда, и моя спина выгнулась дугой, ремень врезался в запястья, из горла вылетел хриплый выдох со вскриком. Внутри у меня прорвало то, что подступало. Оно вышло через тело всё сразу, сильным потоком. И я осталась опустошённой на простыне, дыша ртом, глядя в потолок сквозь мокрые ресницы.

Я не плакала. Но воды на глазах хватило, чтобы понять: что-то из меня всё-таки вышло не только через горло.

Кай не отпускал ещё несколько секунд, будто хотел удостовериться, что я не соберусь обратно. Потом отстранился.

В наступившей тишине я слышала только собственное дыхание.

Матрас качнулся. Поднявшись с меня, Кай сел рядом. Он наклонился и распустил ремень на моих запястьях.

А после взял мои кисти в ладони и медленно растёр круговыми движениями больших пальцев.

Вот на этом я чуть не разревелась.

Странная нежность выбила из меня воздух. Прикусив губу изнутри, я почувствовала вкус металла.

— Скалле, — произнёс он тихо. — Ты выпустила что могла. Остальное само пойдёт. Дальше ты справишься.

Кай долгие секунды держал мои кисти в своих ладонях и смотрел на меня сверху. Я его не видела, потому что не открывала глаз, но чувствовала.

Потом задумчиво сказал:

— Мне хочется тебя всё больше, Скалле... Это плохо. Для тебя — опасно.

Я распахнула веки.

Кай смотрел на меня, и в его глазах блестело волчье золото. Он не отпустил зверя, как и тот его. Ни ласковости, ни жалости. Только очень тихое сообщение через постель, будто он давал мне это знать заранее, чтобы я успела подготовиться.

Опустив мои кисти на простыню, Йорд наклонился ко мне ещё ниже. Одну ладонь положил мне на плечо, другой скользнул под шею. Он приподнял мою голову немного, наклонил её в сторону и прижался губами к коже над ключицей.

Долго и медленно ставил мне бордовую отметку, которую я завтра буду видеть в душе.

А потом оторвался и опустил мою голову на подушку.

Мы не разговаривали. Я наблюдала за тем, как он быстро взял ремень и продел обратно в петли. Движения у него были резкие.

Он не пошёл сразу к двери. Облизал взглядом моё обнажённое тело и, подняв одеяло, укрыл меня.

— Увидимся, Скалле, — протянул Кай.

И только после этого вышел.

Боги, что это было?

Я шумно выдохнула и потёрла глаза. На шее чуть пульсировало, где он поставил засос. А про запястья я вообще молчу. Внутри всё ещё растекалось остатками постыдное наслаждение.

Как ни странно, его способ помог выкинуть мрачные мысли из головы. Но теперь я думала, что надо как-то избавиться от Йорда. Не хотелось стать его ночным утешением. Чтобы он бегал ко мне, когда захочет. Между нами ничего не может быть. Никогда.

Но всё же... Кай пришёл сюда забрать своё. Но хуже всего то, что когда он вышел, я осталась ему благодарна.

Глава 4

Кай

У меня над ухом говорил Аксель. Что-то там про пятничный смотр, потом про партию сигарет, обещанную ему из столицы к концу недели. Я не слушал. Наблюдал за тем, как она выходит из корпуса.

Ноябрьское небо заплывало тучами. Лишь иногда среди тяжёлых облаков просвечивали солнечные лучи. Вот и сейчас погода дала немного света.

Двор был мокрый после ночи. Вокруг лужи и осыпавшаяся лиственница.

Кадеты расходились по группам, с планшетами под мышками. Шум. Я его не любил, но это обычная тягучая перемена между парами.

Скалле шла одна.

Волосы она собрала в пучок и застегнула до горла китель. У неё было сосредоточенное лицо: на лбу проступила складка. Остальные третьекурсники выходили с физподготовки, как и полагается, растрёпанными и шумными. Ирэль же выглядела аристократично, даже после нагрузки. Лишь щёки слегка покраснели.

С той ночи, когда я стоял у её кровати, прошло три дня. За это время я не подошёл к ней и не написал. Смотрел издали. В основном в столовой, иногда видел девушку у входа в общежитие. Я ждал, когда посмотрит в мою сторону сама.

Она этого не сделала.

Ирэль сохраняла великолепную осанку и игнорировала меня, будто ночи не было, и я приходил не к ней. Будто это не она подпустила меня к своему телу. Видимо, пыталась забыть, что я делал с ней пальцами.

— Кай, ты меня слышишь? — спросил Аксель тише.

— Слышу, — соврал я, хотя чёрт его знает, что он мне говорил.

Слева с ноги на ногу переступил Магнар и лениво выдохнул через нос. Он тоже смотрел туда же, куда и я. Хальвар за спиной молчал. Он обычно немногословный. Руки держал в карманах, но глаза ловили каждую деталь. Свита подобралась под меня: один слышит, второй прикрывает, третий смотрит.

Я курил и всё это время не отводил взгляда от Ирэль.

Скалле шла к скамейкам. Это привычное место для третьекурсников. Там они разбирали конспекты между парами. И у ближней лавки её уже ждал медведь. Торкель Броск.

Он из среднего клана горных. Имел широкую кость, тяжёлую челюсть и добротную силу, но без единой ноты альфы. Их учебная пара по тактике. Я запомнил расписание третьего курса. Мне его Аксель принёс на следующий день после несостоявшейся помолвки.

Броск стоял с двумя стаканчиками кофе. Один протянул Скалле, как только она подошла. И она приняла его с, мать твою, улыбкой.

Страхнув пепел в лужу, я коротко втянул воздух.

— Он ей второй раз кофе носит, — прокомментировал Аксель. — Первый — во вторник.

— Я в курсе.

— Полигонные назначения к концу недели. Кураторов пишут сегодня.

— Угу, — только и выдал я.

Полигон в декабре. Пары обычно разбирают, если у одного из них поменялся куратор. К концу недели я подам заявку и попрощаюсь с Броском. Больше он к ней не подойдёт. Аксель это уже прикинул за меня. И выдал вариант мирного решения назревающего конфликта. Он лис и считывал меня быстрее, чем я успевал закрыть свои эмоции. Хотя сейчас я не собирался их прятать.

Она села на скамейку, и Броск устроился рядом, оставив всего лишь полметра между их бёдрами. Раскрыл тетрадь у себя на коленях, наклонил её так, чтобы Скалле было видно. Стал что-то показывать.

Ирэль придвинулась к тетради, чтобы смотреть, и прикоснулась к его плечу. Торкель объяснял что-то про построение, слова до меня не долетали, но по губам его я разбирал.

Скалле слушала и кивала, серьёзно погрузившись в процесс. Доверяла этому медведю.

А у меня внутри всё стало собираться, как перед охотой. Я глубоко вдохнул плотный воздух, осознавая, что мир начал медленно вращаться. Знакомое ощущение. С ним хорошо стреляли и ломали кости. Пульс не разгонялся. Наоборот, падал. И вот сейчас мне захотелось уже двинуться в их сторону. Но пока я стоял.

По двору прошёл порыв ветра, и тонкая золотая прядь у виска Ирэль упала ей на щёку.

Броск на секунду оторвал взгляд от тетради и, посмотрев на её лицо, поднял руку.

А затем аккуратно убрал ей эту прядь за ухо. Наклонился и оставил лёгкий поцелуй на губах.

Скалле вздрогнула почти не видимо. Но я это заметил. И у меня внутри в секунду разжалась с большой инерцией пружина.

Блядь!

Бросив сигарету в лужу, я двинулся с места.

— Один здесь, — обронил я тихо.

Оборачиваться было не нужно: и без того понятно, что пошли двое — Магнар и Аксель. А Хальвар остался у стены, глазами на дворе. Правильно распределились.

Я неспешно шёл через двор к скамейке, не вынимая рук из карманов. Кай Йорд ходил так, будто ему принадлежала земля под ногами. И сегодня я ей тоже владел, потому что мне принадлежала скамейка, к которой я шёл, и девушка, сидевшая на ней. Я так решил.

Скалле моя. Я взял её в кладовой. Приходил в её комнату. От имени Йордов гарантировал продление моратория её клана. И подписал бумагу лично, поверх отцовской. Ирэль была моей уже полтора месяца. С той секунды, как Виль Хек открыл рот в зале имения и превратил род Скалле в брошенных. Я вытащил их из-под этого удара. Она это знала лучше всех остальных.

И вот сидела и слушала медведя, что хотел залезть ей под юбку.

Броск поднял голову, услышав моё приближение. У него дёрнулись ноздри, а за ними я увидел испуг в глазах. Оборотни всегда сперва ловят всё носом. Медведь меня учуял и разобрал, кто я и в каком состоянии, за долю секунды. А по тому, как ушла с его лица кровь, это стало очевидно.

Он выпрямился на скамейке, и стаканчик кофе у него в руке дрогнул.

Скалле подняла голову позже. Девушка отлично чувала меня. Просто не хотела сталкиваться взглядом. Это же знаменитая гордость Скалле. Посмотрит, только когда уже невозможно будет отвертеться.

И сейчас она окунула меня в голубой и спокойный омут её глаз. Там не было удивления. Она меня видела до этого, просто игнорировала.

Остановившись у скамейки, я не смотрел на медведя. Только на неё.

Магнар встал в двух шагах справа, держа руки в карманах. Аксель дышал где-то за левым плечом. Вокруг начали все стихать. Все уши развернулись сюда.

Броск встал. Крупный, зараза. По медвежьим меркам — крепкий третьекурсник. Но по моим — просто мясо.

— Йорд, — поприветствовал он спокойно.

Я медленно повернул к нему голову.

Он это увидел. Разглядел у меня в лице всё, что сейчас будет.

Секунда, и я ударил его лбом в переносицу, не выдёргивая рук из карманов. Лоб у меня был жёсткий, шея тренированная, а плечо позволяло.

Я услышал хруст.

Его голова запрокинулась, и медведя отбросило на полшага. Сразу пошла кровь, капая на верхнюю губу и на подбородок. Стаканчик упал на брусчатку и покатился, разбрызгивая тёмный кофе по камню.

Подождав мгновение, я согнул колено и рывком выпрямил ногу, ударив Броска в солнечное сплетение. У того вышел воздух, и он сложился пополам. Упёрся ладонями в мокрую брусчатку.

Стало тихо. Только ветер шуршал мокрой листвой. Двадцать пар глаз были развёрнуты сюда. Никто не двигался.

Аксель за спиной коротко по-лисий усмехнулся. Хальвар у стены не шевелился, но по тому, как встал в позу, я знал: если из медвежьей группы у корпуса кто-то сунется, он вступит первым.

Никто даже не шелохнулся.

Броск стоял на коленях, и его кровь капала на камень между рук. Он не стонал, потому что медведь. Лишь дышал через рот, не поднимая головы. Правильно делал. Поднял бы — пришлось бы работать дальше, а мне уже не хотелось.

Я смотрел на неё.

Скалле стояла, прижав ладонь к губам. Девушка побледнела. Только большие голубые глаза смотрели на меня.

К Броску она не бросилась. Ни шагу не сделала. Побегать к нему, значит признать, что этот медведь тебе важен. А ей плевать. Он был удобен как учебная пара. Скалле это знала, поэтому стояла и не двигалась.

Мне понравилось, что она сделала правильный выбор. Понравилось, как гордо держит подбородок. Как не отводит взгляда. И не бросается к чужому мужику из жалости. Как из белого её лицо медленно делается спокойным. В этом вся её порода.

— Скалле, — протянул я так, чтобы услышал весь двор. Тише обычного. — Я, кажется, где-то потерял свою игрушку.

Она не ответила. Только зрачки у неё сузились. Девушка собиралась либо соврать, либо промолчать.

— Нашёл, — уронил я так же тихо. — Оказывается, кто-то ей кофе носит. И целует.

Магнар позади хмыкнул. Аксель молчал. Когда дело касалось её, он не смеялся никогда, у него было лисье понимание, где смеяться нельзя. Магнар же волк, попроще и поглупее.

Я медленно пошёл к Ирэль, сокращая дистанцию.

— Играть с ней, — продолжал я, — можно только мне.

У неё поднялась рука.

Замах, и я поймал её в воздухе. Дёрнул Ирэль к себе. Она оказалась ближе, чем позволяла публика. Я даже почувствовал сладкий запах цветочных духов.

В глазах зажётся огонь. Ей было страшно. Она бесилась. Но именно сейчас выглядела живой. Впервые за три дня.

— Маленькая бета зубки отрастила, — протянул я тихо, чтобы услышала только она. — Недостаточно, чтобы меня укусить. Знай своё место, Скалле.

А после отпустил.

Ирэль отступила по инерции, но не пошатнулась.

Пришлось первым отвернуться. Потому что если бы так дальше стоял, то точно уволок её куда-то в тёмный угол и больше она бы оттуда не вышла. Если только на дрожащих ногах.

— Аксель, — позвал я. — Броска поднимите. Проводите в медпункт. Скажите, упал с лестницы у корпуса.

— Понял, — отозвался он.

— Магнар, за мной.

Я двинулся через двор между корпусами, не оборачиваясь. Магнар следовал за мной. Хальвар отделился от стены на входе и пошёл третьим, замыкая.

Двор за спиной снова загудел. И весь этот шёпот сейчас поднялся и зашуршал про меня и про неё. Пусть. Мне нужно было именно это. Чтобы к вечеру во всей академии знали, что Скалле — собственность Йорда. Приближаться к ней — плохая идея. Носить ей кофе — очень плохая идея. А если решишься поцеловать, то пойдёшь прямым в медпункт со сломанным носом.

Пусть медведь запомнит, а она злится.

Ярость помогает ей справиться со всем дерьмом, что есть в её жизни.

До этого она не ела, ходила с тенью под глазами. В её комнату я пришёл не для того, чтобы мучить, а чтобы она почувствовала хоть что-то, кроме пустоты.

Три дня дал ей побыть в одиночестве. Довольно.

Сегодня я вернул ей злость и кровь под кожу. Она будет ходить с горящим лицом и с бешеным дыханием. Это хорошо. Потому что это было моё.

Магнар шёл слева, курил на ходу, молчал. Хальвар смотрел по сторонам. Я закурил вторую.

— Кай, — произнёс задумчиво Магнар, глядя вперёд, — если этот медведь пожалуется, куратор придёт разбираться.

— Не пожалуется.

— Если пожалуется?

— Тогда придёт Кернс, и я скажу, что Броск сам наварился. Кернс не любит, когда медведи бегают жаловаться на волков. Он тоже медведь.

Магнар лишь усмехнулся.

У корпуса общежитий мы разошлись. Магнар и Хальвар — к столовой. Я — к своей комнате наверху.

Оставшийся день прошёл в разных мыслях.

Глава 5

Кай

Я досидел пары до конца. Демонстративное отсутствие после того, что случилось во дворе, читалось бы как беспокойство. А его во мне быть не должно. Наследник Йорда выпорол чужого кадета за то, что тот подкатывал к его женщине, и спокойно пошёл слушать лекции. Именно так это и должно было выглядеть.

Внутри всё это время рябью пробегала злость и не уходила. Держала меня в форме до вечера, пока я записывал конспекты, курил в перерыве и отвечал на вопрос преподавателя по огневой. Градус напряжения не спадал. Это знакомое мне состояние. С ним участвовал в переговорах с отцом, ходил на клановые приёмы и вёл её в кладовую полтора месяца назад. Срываться при людях мне было нельзя.

Непривычно одно: что состояние это связано с ней.

Раньше я так реагировал на клановые дела или военные. На людей, пытавшихся что-то отобрать у Йордов.

Однако Скалле — не какое-то там дело. Она девчонка, за которой я теперь не мог ухаживать, потому что её отец сумел всё спустить.

Ко дню приёма у Йордов я знал про Ирэль несколько вещей. Что она стоит рядом с Освальдом и делает вид, будто отец её трезвый и достойный. И что смотрит на меня безучастно, приняв решение потерпеть.

Тогда мне стало смешно и в то же время это задело.

Потом пришёл Хек, и всё полетело в пропасть.

К концу того вечера я уже знал, что беру её к себе. Правда, на бумаге через отца, в реальности же через кладовую. Отец не хотел этого, но я его переломил. Жалко было отдавать её этому пьяному Освальду. Я её вытаскивал, и это единственное, что во всём вечере имело смысл.

Так я себе объяснял.

Сейчас, стоя на крыльце корпуса огневой и докуривая третью за час, мои мысли перестраивались иначе. И Скалле я уже хотел для себя.

Начался мелкий дождь, который спустя несколько минут перерос в сильный.

Выкинув сигарету, я вытащил зонт из-под мышки. Он у меня всегда с собой в эту пору. Йорды не мокли под дождём, простое правило. Курить в мокрой форме и заходить с влажным воротничком в столовую я тоже не собирался.

Раскрыв зонт, свернул за угол к административному корпусу. До общежитий оставалось полторы минуты.

И тогда я увидел Ирэль.

Девушка стояла без зонта. Китель на плечах уже потемнел, и золотая тяжесть волос обвисла.

Перед ней стоял Хек.

Он держал этот зонт так, чтобы почти прикрывать её плечо. Оставлял ей ровно тот сантиметр, куда вода лилась под углом.

Я замер. И всё, что во мне горело с утра, мгновенно изменило природу и ускорилося. Пульс не сдвинулся. За собой я это отмечал всегда: чем хуже становилось, тем медленнее сердце гнало кровь. С таким пульсом хорошо не убивать до конца.

Блядь!

Я направился к ним по брусчатке. Не спешил. За это время у меня в голове пронёсся поток мыслей. Хек в академии быть не должен. Это государственное учреждение, вход по пропускам, вольным гражданским лицам открыт только по делу. Если так, то он тут ради Скалле.

Но мораторий подписан и зарегистрирован. Скреплѐн печатью Йордов. Хек об этом должен знать. А если не знал — сейчас введу в курс дела.

Рука в кармане брюк сжала ключи.

Я подошёл к Ирѐль сзади, чтобы она сначала уловила запах, а уж потом увидела меня. Так и получилось: ноздри у неё повели, а после и голова повернулась. Она меня узнала по запаху.

До этого момента Скалле стояла в напряжённой позе, я понимал, что она находилась под давлением. Хек в её лицо кидал что-то полутонами, я разбирал только конец фразы:

— ...и, конечно, обстоятельства смерти вашего покойного отца никак не меняют формальной стороны нашей...

Скалле смотрела ему прямо в глаза и держалась достойно. Но от холода или стресса её пальцы чуть подрагивали, отчего она просто скрестила руки на груди.

Я поднял свой зонт над головой и тут же перехватил взгляд Хека.

Он очень быстро поменялся в лице. Лисы это делают виртуозно. Но всё же сумел уловить недовольство. Моё присутствие всё усложняло.

— Наследник Йорд, — улыбнулся он почти радостно. — Какая приятная неожиданность.

Ответом я его не удостоил. Свободной рукой обхватил Скалле за талию и притянул к своему боку. Мои пальцы вцепились в девушку, чтобы она сразу поняла, что это не ласка. Я метил её при Хеке.

Ирѐль дёрнула плечом, но не отстранилась. Умная девочка, понимала.

— Как я рад, что вы подошли, — затараторил он. — Я как раз объяснял Ирѐль Скалле, что вопрос по имению Скалле у нас с ней открытый ещё с прошлого года. И что я, разумеется, готов пойти навстречу. По-соседски.

— Хек, — обронил я тихо. — Ты в академии.

— По делам, — с готовностью закивал мужчина. — Мимоходом. Встретил Ирѐль Скалле у ворот, засвидетельствовал почтение. Дождь застал, вот и предложил зонт.

— Мораторий Скалле, — продолжил я, — продлѐн на десять лет. Ходатайство Йордов зарегистрировано в клановом совете в прошлом месяце.

— Слышал, — цокнул он.

— Уточнил?

— Уточнил. — Улыбка у него не сошла, но чуть дрогнула. — И, разумеется, мы этот мораторий признаѐм в полном объѐме. Клан Хек уважает решения Совета кланов. Позвольте только заметить, наследник Йорд, что по имению Скалле у нас с покойным Освальдом были отдельные договорѐнности. К мораторию они, к сожалению, отношения не имеют. Возможно, мы могли бы обсудить условия. Я уверен, разумные для обеих сторон.

Ирѐль даже не пошевелилась. Слушала. Через ткань кителя я чувствовал, как он часто дышит. И всё это ей не нравилось. Здесь явно до меня был другой разговор и тон. Поэтому сейчас она просто замерла, доверив переговоры мне.

Вот и чудесно. Потом объяснимся.

— А эти договорѐнности по имению оформлены? — протянул я.

— В известном смысле да, — заторопился он, и снова из него полетели слова. — Джентльменские, если угодно. Записки, устные обязательства покойного, которые он подтвердил при свидетелях за месяц до прискорбных событий.

— Записки покойного.

— Да.

— И свидетели, разумеется, свои.

— Мои, — согласился он.

Я на него несколько секунд смотрел. Он выдержал мой взгляд. У Хека была лисья практика. Но я стоял очень близко и был выше его на полголовы, а сейчас во мне ледяной волной поднималась ярость.

— Хек, — произнёс я, — клан Скалле теперь под кланом Йорд. Услышал?

— Хорошо, — недовольно выплюнул он.

— Записки покойного, со свидетелями — бумаги, которые к клану Скалле отношения больше не имеют. Отдельные договорённости у Освальда были с самим собой. И с рюмкой. Соболезную обеим сторонам.

— Я вас понял, наследник Йорд, — уже глухо пробормотал Виль. — У меня и в мыслях не было создавать какие-либо неудобства клану Йорд.

— В мыслях у тебя было ровно это, — не отступал я. — И ты в курсе, что я это знаю. Второй раз я тебе объяснять не буду.

Я аккуратно подал Скалле свой зонт в ладонь, проследил, чтобы её пальцы сомкнулись на ручке. Дождь пошёл прямо мне на плечи. Пусть.

Секунда, я поймал Хека за отворот пальто у самого горла. Подтянул к себе. Свой зонт у него теперь болтался за плечом, дождь бил ему в лицо.

Наклонившись к мужчине, я произнёс:

— Всё, что двинется в сторону имения Скалле, двинется в сторону Йордов. В сторону меня лично. И тогда я приду. Ты меня понял?

Он не шевелился. Даже почти не моргал.

— Понял, наследник Йорд, — сказал он вежливо, тем же голосом, что и раньше.

Подержав ещё секунду, я отпустил отворот.

Он поправил пальто аккуратным движением, вернул на место лацкан. Сделал несколько шагов назад. Подальше от меня.

— Прошу прощения, если помешал, — сказал он ей.

Скалле молчала. Видимо, уже наговорила с ним. Да так, что больше не хотела ничего.

— Ирэль Скалле. Наследник Йорд. — Он коротко, вежливо кивнул. — Как скажете.

Развернувшись, он пошёл к воротам академии. Старался не выглядеть проигравшим. Но всё же походка чуть выдавала.

Смотрел я ему в спину до угла, пока он не свернул за административный корпус.

Затем повернулся к ней.

Скалле стояла ко мне лицом, под моим зонтом. Мокрая. Отдельные пряди прилипли к вискам. Ноздри тонко вздрагивали. Взгляд жёсткий.

Она злилась.

И в этот момент по моим венам разлилась лава. Всё вспыхнуло. Я хотел её прямо такую.

Дождь бил по натянутой ткани зонта над её головой. Мы стояли близко под ним вдвоём.

— Сама бы справилась, — бросила Ирэль. — Я не хочу быть тебе ещё больше должна.

У неё чуть дрогнул голос. Беты хуже справлялись с холодом.

Отвечать я не стал. Расстегнув куртку, я снял её и, стряхнув, накинул Скалле на плечи поверх её мокрого кителя. Куртка у меня была тяжёлая, длинная. Дошла до бёдер, а рукава повисли.

Ирэль не попыталась даже её снять. Всё смотрела на меня.

Подняв руку, я взял Скалле за подбородок. Большой палец лёг ей на нижнюю губу.

Она была холодная от дождя и мягкая под подушечкой пальца. Такой, какой я её помнил. А память мне не отшибло. Я помнил, как эта нижняя губа выглядела в полутьме винной кладовой, слегка припухшая после того, что я в неё вложил. И как она сомкнулась у меня в паху, а затем разжалась. В голове сидела каждая секунда нашей страсти. И за два с половиной месяца ни одна другая женщина у меня не появилась в голове, потому что во мне не было для другой больше места. Всё это время вспоминал рот, который сейчас у меня под пальцем чуть приоткрывался навстречу моему дыханию.

Я приподнял её лицо к своему. Ирэль не сопротивляясь, но и не подавалась.

В её глазах сперва мелькнуло бешенство, потом пламя желания, но она его умело скрыла.

Тихо, глядя ей в лицо, я произнёс:

— Никто не смеет угрожать тебе, Скалле.

Она не шевельнулась. Только дыхание у неё участилось.

— Кто угрожает тебе, угрожает и мне.

— У меня, похоже, сильный покровитель. С тобой не расплатиться, боюсь, — ехидно ответила девушка. — Почему ты это делаешь?

Я слышал, как дождь бьёт по ткани зонта у неё над головой, чуть нагнулся. И теперь мои губы почти касались её.

— Потому что ты принадлежишь мне.

Большим пальцем ещё раз прошёл по её нижней губе, и у девушки дрогнули ресницы. Она опустила взгляд. А сорванное дыхание говорило о волнении. Мы стояли близко, и ей это нравилось. Хотелось больше. Я это чувствовал, и она тоже.

— Я приду к тебе. Уже скоро. Скучаю по твоему рту, Скалле.

У неё забились вены на шее, и щеки вспыхнули. Когда девушка посмотрела на меня, я увидел чуть расширившиеся зрачки.

Чёрт, Скалле. Лучше бы ты меня не дразнила.

Отпустив её подбородок, я развернулся и пошёл прочь. Китель на плечах промокал равномерно, от воротника к лопаткам. Волосы на затылке слиплись за первые несколько шагов.

Как люди, оборотни не переохлаждались. В теле у меня стоял свой тепловой резервуар и согревал под этим дождём. Заболеть от такого не могу, а промокшая ткань кителя высохнет за час, если я не буду с ней ничего делать.

Я чувствовал, как Скалле смотрела мне вслед. Она это запомнит и не сможет спрятаться от воспоминаний сегодня вечером.

Пусть думает и решает, как ей лучше мне сдать.

Всё равно уже поздно.

Глава 6

Ирэль

Я шла через служебный коридор. Здесь путь короче. Пользовалась я этим проходом редко, потому что он узкий и слабо освещённый. Рядом ни столовой, ни аудитории. В такое время тут никто не ходил. Но сегодня мне было всё равно, где идти.

Я устала.

Утром во дворе кто-то из свиты Кая крутанулся у второго корпуса, поймал мой взгляд и качнул подбородком, чтобы я шла к ним. Но я отвернулась и проигнорировала их. Считала это про себя мелкой победой.

Посередине коридора висела одна лампа, слабо освещающая пространство вокруг. Я слышала, как гулко отдавались шаги.

Увидев Кая в самом конце, я замедлилась.

Он по обыкновению держал руки в карманах. Голова чуть наклонена вбок. За его спиной коридор уходил в темноту. Он ждал меня. Знал маршрут.

Я сделала ещё пару шагов и только потом остановилась, оказавшись рядом с ним, потому что дальше идти было бы неудобно.

— Пропусти меня, Йорд. Я устала. Давай...

Договорить не успела.

Одно движение, и Кай пригвоздил меня к стене. Всё вышло так резко, что из меня выбило воздух. Я вдохнула, ткнувшись затылком в стену. Почти вскрикнула, но вовремя затормозила.

А он навалился телом, и я уже не могла двинуться.

Большая ладонь сжала мне на горло. И под ней бешено бился мой пульс.

Я толкнула его в грудь, но сопротивляться Каю бесполезно. Он даже не дрогнул. Только перехватил моё запястье, завёл его мне за спину и прижал к стене между лопатками. А после добавил телом. Теперь я не могла даже вывернуться.

Волчье золото по кромке его глаз в полутьме выглядело угрожающим.

— Что тебе от меня надо? — спокойно спросила я, стараясь не показывать сорванного дыхания. — Ты избавился от невесты в моём лице. Я бета. И за мораторий я уже заплатила, Йорд.

Он смотрел на меня не моргая, взглядом ленивого кота.

— Не заплатила, Скалле, — тянуще произнёс он тихим голосом. — Заплатила бы — я бы забыл.

Его пальцы на моём горле шевельнулись.

— Но ты отталкиваешь. Сопротивляешься. — Он чуть приблизился, просто качнулся в мою сторону, и меня тут же обдало жаром. — А с хищниками так нельзя. Это только повышает интерес... разорвать жертву на маленькие кусочки. Ты уже в моём поле зрения. Из него не выходят.

Что-то у меня внутри дрогнуло от того, как он это произнёс.

— Почему я? — голос не слушался, и я перешла на шёпот.

— Из-за кладовой.

Кай выдержал паузу, в которую рассматривал моё лицо: глаза, нос, губы. А у меня уже внутри вспыхивали предательские огоньки.

— Я думал, ты будешь плакать или трястись, — протянул он. — Хотя бы отведёшь глаза. Но ты была такой хладнокровной и гордой. Мне понравилось, как ты это сделала, не уронив достоинства.

В животе скрутило жаром, хотя не должно. От таких слов нормальный человек испугается, меня же это только растапливало.

— С того вечера ты у меня в голове, Скалле. Не выкидывается. С каждой встречей становится всё хуже.

— У тебя интерес к обнищавшим аристократкам? — выдохнула я.

Его глаза находились совсем близко, а наши носы соприкасались. Тёмные пряди волос падали на его лоб, но я всё не отрывалась от тонких губ Кая. Мне хотелось, чтобы они смяли мои.

— Это давно не интерес, Скалле, — прошептал он. — Это одержимость.

Кай сказал всё так, словно давно размышлял над этим и наконец решился произнести всё вслух. Больше для себя. Его не удерживало ничего, и он этого не скрывал.

Мне нечем было ответить.

Он медленно повёл коленом между моих ног, и я почувствовала давление там, где хотела. Свободной рукой Кай скользнул вниз по моему боку, под китель.

У него были холодные пальцы с улицы. Ткань рубашки задралась под его рукой почти сразу. Он прошёл по голой коже над поясом, к рёбрам.

И тут... царапнул. Провёл ногтями под грудью так, чтобы немного жгло.

Я напряглась и зашипела сквозь зубы.

Всё тело вытянулось стрункой. Спина оторвалась от стены, и я прижалась к Каю сама. А мои глаза непроизвольно закрылись.

Йорд ещё раз провёл ногтями, теперь по другой стороне. И я чуть задрожала от того, как вспыхнуло желание.

Совершенно необъяснимо и дико. Мне нравилась его неспешная попытка. Но я не копалась в своей голове. Там уже слишком много, отчего это могло меня заводить.

Он усмехнулся и, опустив голос ниже, протянул:

— Оказывается, тебе нравится, когда я жёсткий. Тёмная ты, Скалле. Кто бы подумал?

Я закусила губу, но отвечать не стала. Пусть думает что хочет. Кай и так видит меня насквозь. Что мне терять? Оправдываться, что я не такая? Глупо.

Пальцы его руки поднялись выше. Прошли под рубашкой к грудной клетке. Он не торопился.

Моё сердце отчаянно билось, загоняя кровь куда-то вниз.

Как порочно и недостойно. Да ещё и рваное дыхание выдавало меня с потрохами.

Ничего не помогало. Все мысли испарились.

Он расстегнул верхние пуговицы моей рубашки и посмотрел на ключицу. На секунду замер.

— Сошёл, — пробормотал Кай тихо себе под нос.

И я поняла, что Йорд говорит про след с той ночи, который он поставил перед уходом. Я про это уже почти не помнила. Ну засос и засос. Ему, оказывается, это было важно.

Он ослабил пальцы на моём горле. Провёл большим пальцем, ощупывая кожу.

— Придётся поправлять.

Кай оттянул край рубашки и, наклонившись, коснулся губами шеи. Поцелуями дошёл до ключицы и опустился к груди. Остановился возле кромки бюстгалтера и втянул кожу. Он долго не отрывался, а моё дыхание шло толчками. Не могла выровнять.

Под его ртом всё горело, кровь собиралась, и я знала, что потом будет тёмное пятно, где увижу только я. И он.

Оторвавшись, Кай посмотрел на то, что сделал.

— Так лучше.

Голос у него был спокойный. Как будто он приводил меня в порядок.

Пальцы скользнули по кромке моей рубашки к бюстгалтеру. Он его отогнул в сторону, освободив сосок.

Кровь кипятком растекалась по моим венам. Я задышалась, откинув голову и закрыв глаза.

Он снова наклонился и втянул губами.

Я упёрлась в стену, потому что иначе я бы... не знаю, что бы я... Тело не спрашивало меня.

Кай не спешил. Обвёл языком раз, ещё раз. Прикусил, слегка оттянув и только потом отпустил. Затем подул. Он смотрел на меня, обводя сосок пальцем.

Сквозь опущенные ресницы я видела золото его глаз.

— Скалле, — тянуше заговорил он. — Видишь, что с тобой происходит? Ты уже полностью в моей власти. Осталось признать это самой.

Мне казалось, что если я разомкну губы, чтобы ему ответить, оттуда вылетит протяжный стон.

Он провёл ещё раз пальцем, а затем убрал руку, оставив меня как есть, с расстёгнутым воротом, его следом ниже ключицы и с тем, что он только что сделал с моей грудью. Не стал прикрывать.

Наклонившись ближе к моим губам, он остановился. Не целовал меня. Я чувствовала горячее дыхание. Запах мяты и табака.

И дальше пробормотал уже сам себе, тихо и задумчиво, как будто меня рядом не было:

— Не знаю, долго ли меня хватит. — Он наклонил голову вбок. — Знаешь, Скалле, меня никогда не привлекали поцелуи. Но странно, что твои губы так манят. — Уголок его рта дрогнул. — Но оставим их на десерт.

Отступив, он убрал руку у меня за спиной, сделал шаг назад и осмотрел меня сверху донизу, любовался своим творением. Наверное, я выглядела растрёпанно и развратно с обнажённой грудью, горящими щеками и искусанной губой.

Что бы Кай ни увидел, ему это понравилось.

Не тратя больше слов, он отвернулся и не спеша пошёл к дальнему выходу, убирая руки в карманы. На ходу опустил голову, думая о чём-то своём.

А я осталась у стены и не сразу двинулась.

Кожа горела на горле, где лежала его ладонь, на боку, где он царапнул ногтями, и ниже ключицы. Там остался новый след, к которому теперь примешивалась влажность от его губ.

Дыхание выровнялось лишь минуты через две.

Я поправила лифчик, застегнула рубашку и пошла на негнущихся ногах. Они едва слушались.

У выхода из служебного коридора я свернула и пошла в общежитие. У двери мне навстречу вышел медведь из четвёртого курса, я его знала в лицо. Он поднял на меня глаза и тут же опустил их. Отступил чуть в сторону, пропуская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.